

Fitzgerald D. K. Every farm a factory: the industrial ideal in American agriculture. New Haven and London: Yale University Press, 2003. 242 p. ISBN: 0-300-08813-2.

Фитцджеральд Д. К. Каждая ферма – фабрика: индустриальный идеал в американском сельском хозяйстве. Нью Хейвен и Лондон: Йель Университи Пресс, 2003. 242 с. ISBN: 0-300-08813-2.

Прочтение книги профессора Йельского университета Деборы К. Фитцджеральд о социальном значении возникновения и развития аграрной индустриализации в США 1910–1920-х годов может вызвать по ассоциации первозданную тревогу есенинских строчек о соревновании жеребенка с паровозом:

*Милый, милый смешной дуралей,
Ну, куда и зачем он гонится?
Неужели не знает, что живых коней
Заменяла стальная конница!*

Все ж эти строки мы привыкли относить именно к России, в ее предчувствии надвигающегося шока большевистской индустриализации и коллективизации. При этом нам само собой представляется, что в 1920-е годы Россия была страной по-крестьянски отсталой, а где-то к тому времени, в передовых странах, в особенности в фермерской Америке, индустриализация сельского хозяйства победила беспроblemно, окончательно и бесповоротно. Нет! — убеждаемся мы по прочтении книги Деборы Фитцджеральд. В 1910–1920-е годы аграрная индустриализация еще нигде ничего не предприняла, и даже в самой Америке. На протяжении 1920-х годов больше половины аграрных работ в американском сельском хозяйстве выполнялось лошадьми. А сельскохозяйственная техника была достаточно дорогой и недостаточно надежной, отчего даже в американских научных журналах того времени можно было часто обнаружить специальные статьи, в которых сравниваются выгоды работы лошади и трактора при разных условиях. Тем более, что экономически благополучные для американца-горожанина 1920-е годы для американца-фермера оказались депрессивно кризисными из-за продовольственных последствий Первой мировой войны. А в целом для Америки аграрная индустриализация оказалась культурно-историческим шоком — странствием-экспериментом в новый неведомый социально-технический мир, полным упорной работы, замечательных открытий, провальных экспериментов, надежд и разочарований как среди аграрных консерваторов, так и среди аграрных радикалов. И то, что этот американский шок-эксперимент начался всего лишь на 10 лет раньше советской коллективизации, и при этом был, конечно, в тысячу раз мягче и комфортней сталинской форсированной индустриализации не отменяет сути, эпохальности перехода от аграрного к индустриальному обществу даже в самой Америке. Да, в самой Америке 1910–1920-х годов, метафорически говоря, многие современники с замиранием сердца следили за соревнованием жеребенка с машиной, и находились янки, которые в этой борьбе не спешили заключать пари в пользу машины.

Тем не менее книга Фитцджеральд анализирует, прежде всего, мировоззрение и деятельность американских аграрных технократов — инженеров, экономистов, агрономов, предпринимателей — всех тех, кто полагал, что пришел черед и сельской Америки меняться в русле индустриализаторских концепций Фредерика Тейлора и Генри Форда.

В первой главе «Индустриальный идеал в американском сельском хозяйстве» автор анализирует базовые культурно-исторические и при-

родно-географические факторы, способствовавшие индустриализации американской агрикультуры, от ландшафта великих степей среднего Запада, легко поддающихся введению унифицированных индустриальных приемов и систем ведения сельского хозяйства, до мощного социально-экономического толчка Первой мировой войны, конверсировавшего милитаристские изобретения и находки в аграрную сферу. В результате к концу 1920-х годов в агросфере США формируется индустриальная сеть, через которую будет проводиться уже комплексная трансформация сельской Америки в духе торжествующего утверждения одного из агротехнократов и героев книги Э. Нурса: «Смешно утверждать, что сельское хозяйство это слишком крепкий орешек для современной корпорации, разгрызающей его консолидированной мощью железных дорог, фабриками, пекарнями, молочным разливом, сепарацией, давлением и даже опрятностью своих помещений».

Во второй главе «Неизбежность исчислений: экономика и менеджмент в сельском хозяйстве» Фитцджеральд также показывает, какое огромное значение для стандартов индустриализации сыграло обучение американских фермеров экономической рационализации и калькуляции. Сельскохозяйственными департаментами были созданы специальные консультативные бюро, которые обучали основам счетоводства и бухучета фермеров, одновременно приучая их к предоставлению соответствующей статистической отчетности. Через изучение подобного рода статистики происходило дальнейшее проникновение в сельскую Америку индустриальной политики государства и крупного бизнеса. Кроме того, специально для фермеров создавались особые демонстрационные фермы, на которых пропагандировались новейшие приемы рационального и индустриального сельского хозяйства. Все это подготавливало массовое проникновение аграрных машин и оборудования в фермерские хозяйства.

Непосредственно сам этот процесс рассматривается в третьей главе «Сельскохозяйственные механизация и индустриализация». Фитцджеральд показывает, каким сложным и противоречивым был процесс (порой навязывания) нового аграрного индустриального знания и следующих соответствующих ему фермерских расходов. Возникавшие социальные парадоксы взаимодействия агроконсультантов и агроинженеров с фермерами хорошо передает восклицание одного из героев тогдашней американской аграрной индустриализации Арнольда Еркеса: «Это потрясающий факт, что громадное число людей, никогда не имевших никакого опыта фермерства, превосходно себя чувствуют, объясняя фермерам как вести им свой бизнес». Само знание о ведении нового индустриального хозяйства, казалось, должно лишь подчиняться соответствующим стандартным инструкциям. Именно такое отношение к аграрной действительности стремился привить в своем выступлении

перед сельскохозяйственными инженерами другой пионер индустриализации Филипп Роз, заявляя: «Вы не знаете – вы действуйте!». Американские энтузиасты индустриализации, как показывает Фитцджеральд, стремились через механизированные фермы, тракторы и комбайны поскорее и напролом проложить дорогу к аграрной современности. Идеалом такой современности должна была стать аграрная фабрика.

Реализацию этого идеала в жизнь Фитцджеральд рассматривает в главе «Фермы как фабрики: явление крупных аграрных предприятий». Эти первые фабрики, как показывает автор, также отличались специфическим многообразием индустриальной жизни, социально-экономические издержки их создания и функционирования также оказывались часто непомерно высокими. Самой знаменитой и громадной агрофабрикой стало хозяйство замечательного американского предпринимателя Томаса Кэмпбела. Истории этой фабрики автор посвятил отдельную главу «Кэмпбел фарминг корпорейшн». Сам из потомственной фермерской семьи, Кэмпбел после окончания Первой мировой войны, используя льготные рокфеллеровские кредиты, в штате Монтана на полях площадью 30 тыс. га организовал почти полностью механизированное производство зерна. Конечно, Кэмпбел был убежденным агротехнократом; еще в 1919 году он заявил, что «современное фермерство – это 90 % механизации и 10 % сельского хозяйства». Хозяйство Кэмпбела оказалось одним из немногих выживших агромонстров американской индустриальной агрогигантомании, получившей смертельный удар во время великой депрессии. Что касается корпорации Кэмпбела, то она просуществовала до середины 1960-х годов – времени смерти ее создателя и хозяина.

Если к концу 1920-х годов в Америке становилось все более очевидным, что гигантские агрофабрики так и не показали решающих преимуществ перед семейными фермерскими хозяйствами, то именно в это время в СССР решили пойти по пути форсированной индустриальной агрогигантомании, призывая к себе в консультанты американских агротехнократов. Изучению этого феномена посвящена последняя глава книги «Коллективизация и индустриализация: обучение у Советов». Как показывает автор, 1929–1931 годы оказались временем взаимного очарования и надежд советских и американских технократов. Советы проектировали свои совхозы-гиганты площадью в 100 тыс. га и более, в несколько раз превышая по размерам самую крупную американскую агрофабрику Кэмпбела. Среди приглашенных примерно 2 тыс. американских агроконсультантов оказался и сам Томас Кэмпбел, который встречался с самим И.В. Сталиным. Кроме того, в первые годы спада великой депрессии СССР очень выручил сельскохозяйственное машиностроение Америки, закупая у США трактора и комбайны, в количествах,

превышающих закупки самих американских фермеров, попавших в тиски экономического кризиса. Фитцджеральд по архивным документам восстанавливает историю взаимодействия американцев и русских в проектировании и функционировании двух совхозов-гигантов в Ростовской области. Как она показывает, в целом среди американских агроконсультантов, работавших в СССР, почти не было коммунистов, но все эти американцы были настоящие технократы-модернизаторы, которые с искренней симпатией относились к идеям великого индустриального скачка в сельском хозяйстве. Более того, некоторые янки воспринимали Советы не только как учеников, но даже как учителей-экспериментаторов в деле коренного индустриального переустройства сельской действительности. Так, один из членов американской агроделегации Гай Буш заявлял: «Планирование в таких подробностях необходимо в условиях России, и советский опыт может быть использован с прибылью во многих американских хозяйствах». В любом случае, американцам было интересно принимать участие в таком захватывающем дух агротехно-эксперименте, тем более что в этом эксперименте в роли подопытной свинки находилась не их страна. Кроме того, Советы платили иностранным специалистам хорошо и исправно. Американцы вернулись в свою страну, подзаработав денег, но так и не став убежденными коммунистами. Большинство из них с тревогой и огорчением отзывались о репрессивных методах проведения индустриализации советского сельского хозяйства. Остается добавить, что охлаждение между технократами двух агродержав оказалось взаимным. Когда в 1931-м году стало ясно, что совхозы-агрозиганты повсюду разваливаются, принося в основном колоссальные убытки, а в целом в советской России намечаются признаки надвигающегося великого голода, Сталин поскорее выслал американских аграриев из СССР. Благо, при помощи американцев за первые годы первой пятилетки удалось наладить массовое сельскохозяйственное машиностроение и механизацию некоторых базовых сельскохозяйственных процессов, а все остальное – американские менеджмент и демократию – в СССР посчитали, конечно, агроприложением никчемным, даже вредным.

В заключении к своей книге Фитцджеральд делает ряд обобщающих выводов. Во-первых, конец 20-х годов XX века ознаменовал завершение первого этапа индустриализации сельского хозяйства. Второй этап начинается со времени великой депрессии, где политика «New Deal» Рузвельта в сельском хозяйстве будет ориентироваться на поддержку, прежде всего, семейных ферм, а не агрофабрик, но этим семейным фермам будут и далее предоставляться возможности индустриализации в особенности через программы электрификации сельского хозяйства.

Во-вторых, темпы индустриализации во многом определялись географическим положением, климатом и урожаем. Сначала необходимо

было внедрить машины в тех местах, для которых они, собственно, и разрабатывались: на огромных и жарких территориях, где было много непаханных земель, где огромной урожайности можно было достичь с минимальными усилиями. Фермеры, жившие там, где механизация была возможна с помощью таких машин в связи с урожайностью земель и образованностью населения, первыми покупали эти машины, тогда как менее состоятельные должны были ждать, пока машины станут более надежными, менее дорогими и позволяющими фермерам продолжать это товарное соревнование. Соответственно, первыми, кто начал вести на ферме отчетность, были те, кто проживал в районах, славившихся своими традициями фермерства, в районах, где поддерживалось сельскохозяйственное образование и расширение работ, постоянно и интенсивно. Но из-за того, что фермеров учили вести свое хозяйство интенсивно, было сложно внедрить это там, где работники имели огромные территории для обработки. Западные и южные штаты адаптировались к системе медленно, а Средний Запад наоборот был в числе первых.

В-третьих, подчеркивает автор, надо признать, что многие фермеры не захотели и не приняли новую механизацию. В условиях кризиса сельского хозяйства 1920-х годов большинство из них не могло позволить себе потратить деньги на что-либо, стоившее сотни или тысячи долларов. Многие не имели сбережений, подработок, им не у кого было занять денег и просто не было никакой возможности купить что-либо крупное. Те, у кого были лошади, домашняя утварь и семья, которая могла работать в поле, возможно, считали, что использовать машины, например трактор, это роскошь. Некоторые фермеры переживали за традиционные способы обработки земли, как и те, кто зависел от сильных и дорогих пород першеронских лошадей, не желал работать на трескучих и ломких машинах.

Но было и много причин, по которым фермер должен был дать машине шанс. У него должны были быть деньги, вырученные от продажи земли, или наследство, или у него должна была быть вера или любопытство по поводу машин. У него должна была быть возможность обрабатывать свой кусок земли, чтобы покрасоваться перед соседями или общественностью, и в то же время он должен был понимать необходимость использования машин для более эффективной обработки достаточно большого участка земли. Он должен был стараться оставить сына на ферме или привлечь его обратно после войны или колледжа — многие американские писатели 1920-х годов, отмечает Фитцджеральд, зафиксировали в своих произведениях принятие тракторов именно новым поколением американцев.

Тот фермер, который использовал машины, чье качество неуклонно улучшалось на протяжении 1920-х годов, поставлял свой урожай на

рынок быстрее и получал больше прибыли, он собирал урожай быстрее и легче избегал проблем с погодой. Именно такого парня прежде всего и поддерживали банкиры.

Передовые фермеры – первооткрыватели механизации – были достаточно свободны в давлении на производителей, в подзадоривании банкиров, в переговорах с земельными агентами. Их фермы играли важнейшую роль в демонстрации успехов механизации, двигавшейся из городов на фермы.

Все вместе – механизация и увеличение объемов производства в сельском хозяйстве – приводили к «изменениям в сознании». Успех механизированной фермы в одном районе и с одним видом урожая мог легко превратиться в веру во всемогущество механизации. К тому же, если фермер может научиться писать правильный баланс доходов и расходов, и каждый вид фермерского производства может быть сравнен с другими, то фермер может быть и бизнесменом, производящим единицы продукции по установленным ценам, как, например, владелец обувной фабрики, изготавливающий ботинки. Этот тип мышления все более становится доминирующим среди американских аграриев 1920-х годов.

Таким образом, индустриализация сельского хозяйства была сложным процессом перехода от традиционного уклада к современному, она включила в себя фермерские семьи, государство, новых экспертов в области сельского хозяйства, производителей, банкиров, журналистов. Все они играли роль как в принятии, так и в отклонении доводов за «механизацию» фермы. Сам по себе процесс сопровождался необходимостью внедрения трех новых элементов в сельскохозяйственное производство, и, следовательно, в программы технической поддержки.

Первый фактор – это новые эксперты в области сельского хозяйства, которые в этой ситуации играли роль инженеров и экономистов, но также могли быть и энтомологами и гидрографами. Их задачей было связать свои профессиональные умения с рационализацией сельскохозяйственного производства, и это создавало группу людей, способных вести американский агропросветительский проект через время и пространство.

Вторым элементом было создание новых материальных средств для модернизации, в данном случае тракторов, комбайнов, учетных книг. Эти инструменты позволяли фермерам повышать производительность, а экспертам – измерять эффективность собственных инновационных усилий.

Третий, менее осязаемый элемент – разработка условных образов, которые бы позволили наметить желаемое направление дальнейшей модернизации. Первая метафора здесь – ферма, выступающая в роли фабрики, вторая – фермер в качестве бизнесмена. Обе метафоры становились мощным орудием, воздействуя на воображение крупных горожан и бизнесменов, вкладывавших деньги в проведение агропреобразований в жизнь.

Фитцджеральд отмечает, что индустриальная революция в сельском хозяйстве Америки, развернувшаяся в 1920-е годы, разумеется, привела ко многим выгодам: это и гарантированные поставки продуктов питания и огромное разнообразие пищи, менее физически вредные условия работы фермеров и улучшение условий жизни в сельской местности. Однако эта революция привела и к ряду серьезных проблем как внутри Америки, так и за ее пределами: проблема безопасности пищи для здоровья, постоянное уменьшение числа семейных ферм в процессе «перекачки» людей и капитала из сельской местности в городскую, сложные отношения между государством и фермерами.

В целом, безусловно, положительно оценивая книгу Д.К. Фитцджеральд, мы не можем не посоветовать с точки зрения российского читателя на исключительное использование автором англоязычной литературы в анализе российско-американских аграрных отношений по поводу индустриализации 1920-х годов. Исследования американского сельского хозяйства, проведенные в ходе долговременных научных командировок в США в 1920-е годы видными русскими аграрниками – профессорами Тулайковым и Макаровым, Студенским и Кубаниным (часть их исследований в свое время была опубликована и на английском языке), представляют собой ценный материал, который, мы надеемся, скоро будет заново переосмыслен в истории развития российско-американских путей аграрной индустриализации.

Александр Михайлович Никулин
канд. экон. наук, доцент, исполнительный директор
Интерцентра МВШСЭН, Москва
электронная почта: nik@msses.ru
